

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Английский менталитет сквозь призму языка: концепт “Understatement”

А. А. Джиоева, проф., доктор филологических наук, факультет иностранных языков и регионоведения, кафедра английского языка для гуманитарных факультетов, МГУ им. Ломоносова

Every “Understatement” is a little private joke about englishness
Kate Fox

Одним из наиболее актуальных направлений современной лингвистики является изучение языка в плане его соотнесенности с окружающим миром. Вопросы о том, как человек отражает мир вокруг нас, как преломляет его в своем сознании и как, наконец, репрезентирует эту познавательную деятельность и познанный действительность в языке человека, находятся в самом центре лингвистических исследований на современном этапе развития науки о языке.

Изучение языка в плане его отражаемости окружающего мира включает целый ряд проблем, связанных с изучением истории, культуры, литературы того или иного народа, его менталитета, национального характера, особенностей мышления, психологии и т. д. Выход в эти смежные области, несомненно, обогащает науку о языке, делает ее более полной и адекватной требованиям XXI века.

Изучение языка в аспекте его связей с культурой и миром конкретного народа, носителя этого языка, особенно важно и в практике преподавания иностранных языков. Если представить себе коммуникацию посредством языка (и говоря метафорически) в виде айсберга, то вершиной его, то есть той частью, которая лежит на поверхности и подлежит обозрению, выступают грамматика и словарь. Однако наиболее мощной частью этого айсберга является та, которая скрыта под водой и которая составляет силу айсберга – а это – весь культурный фон, сведения о менталитете, обычаях и т. п. того или иного народа. И если в более ранние времена при изучении языков внимание было главным образом сосредоточено на освоении грамматики и словаря, то для современного человека, говорящего на языке, условием эффективной коммуникации является помимо этого понимание и наличие всего запаса знаний о мире, лежащем за тем или иным конкретным языком.

С. Г. Тер-Минасова в своей книге “Язык и межкультурная коммуникация” отмечает, что “главный ответ на вопрос о решении актуальной задачи обучения иностранным языкам как средству коммуникации между представителями разных народов и культур заключается в том, что языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на

этих языках” [5. – С. 28]. С этой точки зрения изучение иностранных языков оказывается не только путем к средству межнационального общения, но и способом познания мира, культуры, психологии и менталитета того или иного народа.

Р. Д. Льюис, автор известной книги “Деловые культуры в международном бизнесе: от столкновения к взаимопониманию”, отмечает по этому поводу: “Любой человек способен видеть настолько далеко, насколько позволяет очерченный им горизонт. Мы можем его расширить, живя в других странах, изучая иностранные языки (здесь и далее подчеркнуто автором статьи), читая книги по философии и психологии о чужих культурах и других разнообразных предметах. Если мы не прикладываем таких усилий, то наш кругозор остается британским, американским, японским или иным мировоззрением. Другими словами, каждая культура обладает лишь определенной долей опыта, накопленного человечеством. ...Изучая другие языки, особенно содержащие в себе явно иные представления, можно расширить свое видение мира и достичь более глубокого понимания природы вещей” [4. – С. 127].

Итак, язык, являясь важным средством сосредоточия информации о мире, одновременно выступает в качестве важнейшего признака того или иного народа. Именно в языке ярче всего выражается менталитет народа, его психология, обычаи и нравы. Он является средством создания национальной литературы, основным хранителем информации о том или ином народе.

“What makes Japan a nation of Japanese or Russia a nation of Russians is reflected – more clearly than else – in the ways the Japanese or the Russians speak”, – отмечает Анна Вежбицкая. (Wierzbicka, 1991, 129–130). И там же: “It is impossible for a human being to study anything – be it cultures, language, animals or stones – from a totally extra-cultural point of view” (там же, 9).

Вопрос о соотношении языка и действительности представлен в современной лингвистике под общим названием языковой картины мира. Существуют разные определения этого понятия. Наиболее удобным

представляется определение, по которому языковая картина мира – это исторически сложившаяся в сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке система представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности.

Понятие языковой картины мира восходит к идеям В. фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев (Л. Вайсгербер и др.) о внутренней форме языка, а также к идеям американских исследователей Э. Сэпира и Б. Уорфа, представленных в так называемой гипотезе лингвистической относительности (Гумбольдт, 1985; Уорф, 1960, 198–224). Основная мысль Вильгельма фон Гумбольдта (центральная для нас) заключается в том, что “язык – это один из способов видения мира” (Гумбольдт, 1985, 349). Однако верной представляется и мысль Б. Уорфа о том, что “между культурными нормами и языковыми моделями есть связи, но нет... прямых соответствий” (Уорф, 1960, 224).

Таким образом, язык отражает мир не однозначно, не в виде прямых корреляций. Человек, отражая окружающий нас мир, познает его путем преломления в своем сознании и только затем репрезентирует этот мир в языке. Очень тонко эту мысль выразила Анна Вежбицкая, когда писала, что язык непосредственно отображает не только и даже не столько сам мир, сколько нашу концептуализацию мира (Wierzbicka, 1980, 50). При этом опорной базой, своего рода точкой отсчета, выступает окружающий нас мир.

Языковая картина мира включает, таким образом, как минимум три компонента – мир действительности, мир мышления и мир языка. При относительной универсальности всех трех компонентов специфические особенности последних двух представляют особый интерес.

Так, например, даже при поверхностном взгляде на немецкий язык иностранцу кажется странным (что немцем воспринимается как совершенно нормальное), почему такие понятия, как “*das Genie*” и “*das Mädchen*”, – среднего рода, когда во всех других языках они, как правило, мужского и женского рода и когда в мире им соответствуют живые люди, обладающие определенным полом. Это можно объяснить только способами концептуализации мира, присущими немецкому этносу, сформированной у них языковой картиной мира. Не исключено, что в понимании немцев понятия “гений” – это человек с доминантным “эго”, в котором высшее начало, связанное с разумом, преобладает над его половыми различиями, в силу чего при языковой репрезентации факт его принадлежности к мужскому или женскому полу становится нерелевантным.

То же самое со словом “*das Mädchen*”. Очевидно, с германской языковой точки зрения в силу возраста девочка еще не может быть отнесена к полноценному разряду женщин (ср. англ. *baby = it*).

Наиболее интересным в этом смысле представляется то, что такого рода явления чаще всего бросаются в глаза именно иностранцу, так как он явственнее видит лингвоспецифические явления, которые сами носители

языка (в данном случае немцы) воспринимают как норму. Эта мысль была высказана С. Г. Тер-Минасовой в следующем виде: “Indeed foreigners, having come from a different culture, notice things that native speakers often take for granted” (Ter-Minasova, 1994, 63).

Возвращаясь к проблеме взаимоотношения языка, мышления и действительности, хочется привести следующее высказывание А. Д. Шмелева: “С одной стороны, в языке находят отражения те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для носителей культуры, пользующейся этим языком; с другой стороны, овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, и сживается с концептуализацией мира, характерной для соответствующей культуры. В этом смысле слова, заключающие в себе лингвоспецифические концепты, одновременно “отражают” и “формируют” образ мышления носителей языка” [7.– С. 12].

Именно лингвоспецифические концепты представляют особый интерес для исследования и составляют основу настоящей статьи. Такие слова выступают как своего рода лакуны, не находящие прямых коррелятов в других языках. Они часто становятся камнем преткновения для переводчиков.

Для русской языковой модели мира в качестве лингвоспецифических концептов часто выступают такие слова, как *душа*, *судьба*, *тоска*, *воля*, *разочарование* и др. Наиболее часто в качестве объекта исследования выступает слово *душа*, особенно в плане его соотносительности с английскими словами *mind* и *soul* (см., например, [14.– С. 41; 7.– С. 25–36]). “Для русского человека, – отмечает С. Г. Тер-Минасова, – у которого в национальной системе ценностей на первом месте стоит духовность, *душа* – главное, стержневое понятие, преобладающее над рассудком, умом, здравым смыслом. Англиязычный же мир, наоборот, поставил в основу своего существования Его Величество Здравый Смысл, и поэтому *body (тело)* противопоставляется не *душе (soul)*, а рассудку (*mind*), в то время как в русском языке две основные ипостаси человека – это тело и душа или, вернее, душа и тело, потому что устойчивое словосочетание требует именно такого порядка слов (*предан душой и телом*).

Человек, поведение которого противоречит нормам, принятым в данном обществе, по-русски называется *душевнобольным*, а по-английски – *a mentally-ill person (умственно больной)*. Иными словами, когда у русских болит душа, у представителей англоязычного мира болит *mind*” [5.– С. 166].

В качестве понятия, выступающего как лингвоспецифическое для англосаксонского менталитета, мы хотели бы проанализировать слово *understatement*. Джордж Микиш, автор известной книги “How to be an Alien”, описывая загадочную русскую душу и сравнивая русских с англичанами, пишет: “The English have no soul; they have the understatement instead” [9.– С. 24]. Это

понятие часто переводится как *языковая сдержанность, недоговоренность, сдержанное высказывание*.

Это явление настолько характерно для английского языка, что пронизывает его весь, прежде всего, в лексике, а также в синтаксисе и даже в интонационном оформлении высказываний. Так, например, в вопросительных предложениях (типа Yes – No Questions) *understatement* выступает в виде падающей интонации как средство неявной выраженности вопроса как такового.

В грамматике *understatement* может быть проиллюстрировано примером *I don't think you are right*, в котором отрицание переносится на глагол *think*, что как бы снимает категоричность и прямолинейность всего высказывания. Буквальный перевод соответствующего ему высказывания в русском языке *Я думаю, что ты неправ* (которое здесь воспринимается как вполне нормальное), *I think you are wrong* был бы для английского языка *overstated* и поэтому некорректным с точки зрения англоязычного социума. Интересно отметить, что, по нашим наблюдениям, и в русском языке форма *Я не думаю, что ты прав* становится более приемлемой.

Интересные мысли о понятии *understatement* приводит неизвестный автор:

“Let’s look at a particular characteristic of the English language, which is called *understatement*. It is used a great deal in English and can lead to misunderstandings if you are not familiar with it. Understatement is composed of a genuine modesty, dislike of self-dramatization, and is also a form of inverted boasting. It is as complex as the English character itself. ...In the English temperament *PIANISSIMO* is better appreciated. Our delight in understatement is simply the schoolboy inversion of the boast. It is the child’s way of magically staving off disaster by not drawing attention, and thus stopping calamity”.

Очень часто *understatement* образуется с помощью использования слов типа *quite, rather, a bit, a little*:

- I have a bit of a headache (когда на самом деле у говорящего раскалывается от боли голова).
 - I am in a bit of a hurry.
- Другие примеры:
- I am not at all certain that I entirely like the tone of that remark.
 - I have just been listening to a man who got lost in a forest abroad for a week and was scrutinized by hungry wolves, smacking their lips. Was he terrified? – asked the television interviewer, obviously a man of Italian origin. The man replied that on the seventh day, when there were no rescuers in sight and the sixth hungry wolf joined the pack, he “GOT A BIT WORRIED”.
 - Yesterday, a man in charge of a home where six hundred old people lived, which was found to be a fire risk where all the inhabitants might burn to death, admitted:

“I MAY HAVE A PROBLEM”. (Mind you: HE may have a problem. What about the six hundred?)

Моя знакомая англичанка, когда я попросила ее привести пример *understatement*, сказала: “He called me at two o’clock at night. I was not very pleased” (когда на самом деле она была вне себя от ярости).

В беседе с профессором Imperial College Келли Стил речь зашла об экономической ситуации в России, в связи с чем Келли отметил факт “*partly state-controlled economy in Russia*”, где я упомянула Михаила Ходорковского. Ответная реакция была такова: “Oh, yes, he is in trouble.” Мягко сказано о человеке, который потерял все (как по крайней мере известно нам) и отбывает срок в тюрьме! Классический пример *understatement*.

Интересно отметить, что *understatement* – чисто английское явление и характерное прежде всего для английского социума – начинает употребляться и в американском обществе, что служит прекрасной иллюстрацией идей Бенджамина Уорфа об обратном влиянии языка на мышление народа. Кстати, цитируемый выше Келли Стил – этнический американец, хотя и живет в Лондоне более 20 лет.

Моя коллега М. Л. Свешникова, когда я подарила ей первый вариант статьи об *understatement*, рассказала случай, как она водила американских туристов в Эрмитаж. После продолжительной экскурсии, которую гости воспринимали с широко открытыми глазами, один из них произнес: *Pretty good*. И это – реакция на несравненные богатства музея!

Интересен и следующий пример, в котором фаны футбольного клуба “Манчестер Юнайтед”, прощаясь с капитаном команды Роем Кином после его шокирующего ухода в шотландский “Селтик”, высказываются следующим образом :

“We love you, Roy, but we hope you don’t mind us taking the mick (насмехаться) ever so slightly as you met the few hundred Celtic fans who greeted you outside Parkhead as you started to shake their hands and sign autographs...hardly something you were well known for at Old Trafford. Slightly the opposite!”

(*Understatement* как средство прикрытия чувства обиды и ревности.)

Другой пример из “футбольного регистра”, который по определению должен быть весь *overstated*, это высказывание Уейна Руни относительно его прогнозов на чемпионат мира в Германии в 2006 году: “Hopefully we’ll get *a bit of luck* in Germany”. В свете того что сборная Англии считается на сегодняшний день, возможно, сильнейшей командой в мире, высказывание *немного повезет* представляет собой сдержанную форму выражения высоких (обоснованных) амбиций этой команды относительно лидеров чемпионата.

Интересным с точки зрения *understatement* может служить достаточно известное высказывание о дипломатах :

*If a diplomat says "Yes", he means "Perhaps".
If he says "Perhaps", he means "No".
If he says "No", he is no diplomat.*

Учитывая тот факт, что в речи дипломатов особо приветствуется *недоговоренность*, данный пример служит прекрасной иллюстрацией *understatement*.

Сравните продолжение о женщинах:

*If a lady says "No", she means "Perhaps".
If she says "Perhaps", she means "Yes".
If she says "Yes", she is no lady.*

В языковом плане *understatement* часто перекликается со знаменитым английским юмором. "We have satire instead of revolutions and uprisings", отмечает Кейт Фокс, автор новой книги об англичанах "Watching the English" [8. – С. 403]. Английский юмор всегда представлен в контексте, а английский контекст предполагает *understatement*:

- *Not bad* (meaning outstandingly brilliant).
- *A bit of a nuisance* (meaning disastrous, traumatic, horrible).
- *I may be some time* (meaning "I am going to die", although,... that one is possibly not intended to be funny).

Сравните также:

- With all due respect, the right honorable gentleman is being *a bit economical with the truth*.
- *I do a bit of sport* (meaning "I'm the acknowledged world expert on it").
- *Diagrams are not really my strong point* (and this may be a big *understatement*).

"The understatement rule, – пишет Кейт Фокс, – means that a debilitating and painful chronic illness must be described as *a bit of a nuisance*"; a truly horrific experience is *well, not exactly what I would have chosen*; a sight of breathtaking beauty is *quite pretty*; an outstanding performance or achievement is *not bad*; an act of abominable cruelty is *not very friendly*, and an unforgivably stupid misjudgment is *not very clever*; the Antarctic is *rather cold* and the Sahara *a bit too hot for my taste*, and my exceptionally delightful object, person or event which in other cultures would warrant streams of superlatives, is pretty much covered by *nice*, or, if we wish to express more ardent approval, *very nice* [8. – С. 67].

Еще некоторые интересные примеры из того же автора:

"We have a tendency to say 'Well I expect we'll manage somehow', when we mean 'Yes, certainly, no trouble', and 'That would be quite helpful', when we mean 'For Christ's sake, that should have been done yesterday!'; and 'We seem to have a bit of a problem', when there has been a complete and utter disaster. (Another typically English response to, say, a catastrophic meeting where a million-pound deal has fallen through, would be 'That all went rather well, don't you think?'" [8. – С. 181].

Вот что пишет об *understatement* журналист О. Орестов, долгие годы проживший в Англии:

"Несколько слов о знаменитом английском "андерстейтменте" – "недоговоренности", который свойствен языку всех классов и сословий. С нашим обычаем говорить прямо и откровенно, а иногда и безапелляционно, категорически речь англичанина кажется аморфной и неопределенной. Он не любит говорить "да" или "нет" и всегда найдет дополнительные слова, которые бы сняли резкость суждения.

Когда начальник увольняет подчиненного, он говорит (обязательно без гнева или раздражения): *Я крайне сожалею, что за последнее время выполнение Вами своих обязанностей не было таким же отличным и безукоризненным, как, скажем, год назад. Я боюсь, что Вам было бы трудно в нынешних условиях нести такую тяжелую нагрузку, и я искренне надеюсь, что Вы найдете в другом месте гораздо лучшее применение своим способностям. Мы все глубоко сожалеем, что Вы будете работать не у нас...* Все это можно было бы сказать кратко: *Вы уволены, так как работать стали отвратительно.*

В Англии умеют преуменьшить даже самую страшную катастрофу. Если француз явится к званному обеду с опозданием на час потому, что он перепутал день, он целый вечер будет говорить об этом невероятном происшествии. Англичанин же, если он опоздает на несколько минут, потому что обрушилась крыша его дома, скажет, что его задержало *маленькое недоразумение*. Это одна из тысяч форм "андерстейтмент" столь милого сердцу британца".

Understatement – это явление, которому трудно научиться. Для англичанина это явление вполне естественно, так как оно глубоко вплетено в его культуру и является составной частью его психологии. Английский ребенок учится ему уже с детства, постепенно постигая его в процессе своего культурного и языкового развития.

Иностранцы никогда не могут понять сути *understatement*. “How the hell are you supposed to know when *not bad* means “absolutely brilliant” and when it just means “OK”? Is there some secret sign or something that they use? Why can't they just say what they mean?”, – вопрошают многочисленные неангличане.

Даже те иностранцы, которые любят *understatement* и находят его забавным, часто испытывают сложности с его использованием.

Известен случай с англоманом-итальянцем (случай особенно интересный, если учитывать, что итальянцы в большинстве своем всегда *overstated*), который блестяще говорил по-английски, но постоянно жаловался на неспособность использовать *understatement* (“do the English understatement”). Однажды он ужинал в небольшом ресторане с англичанином, предложившим еду, которая по мнению итальянца была отвратительной. В конце ужина англичанин заключил: “So, you wouldn't recommend it, then?” На что последовала реакция итальянского друга: “You see? How do you know to do that? How do you know when to do it?” “I don't know,” – ответил англичанин извиняющимся тоном. – “I can't explain. We just do it. It just comes naturally.”

Причины, которые лежат в основе особой любви англичан к *understating* – это неписанные запреты на серьезность, излишнее выражение эмоций, открытое хвастовство, претензию на значимость, важность. Все это требует постоянного использования *understatement*.

Как часть английского юмора, и точнее иронии, правило *understatement* стоит рядом с двумя другими правилами английского речевого поведения:

1. The Importance of Not Being Earnest Rule и
2. Oh, come off it (означающее приблизительно русское Ну, перестань (быть таким важным, значимым, помпезным и т. п.)!)

“It is humour, but it is a restrained, refined, subtle form of humour,” – отмечает Кейт Фокс [8. – С. 67].

Следует отметить, что тяга к *understatement* характерна для всех слоев английского общества. Она настолько распространена, что проявляется даже в речи политиков. Достаточно сравнить образы Тони Блера и Джорджа Буша, как сразу же бросается в глаза пафосность и помпезность последнего по сравнению с ненапыщенностью и кажущейся простотой Блера. Это, очевидно, отвечает основному правилу, которого придерживаются политики при общении с народом – стремлению к соблюдению принципа “I am one of you”. Помпезность Блера, разумеется, не соответствовала бы

ожиданиям британского общества и не способствовала бы установлению контакта.

Интересные мысли приводит Кейт Фокс:

“The English do not like extremism, in politics or in any other sphere: apart from anything else, political extremists and fanatics... invariably break the all-important English humour rules, particularly the Importance of Not Being Earnest rule. Among their many sins, Hitler, Stalin, Mussolini and Franco were not noted for their use of the understatement. No such totalitarian leaders would ever stand a chance in England – even leaving aside their ethical shortcomings, they would be rejected immediately for taking themselves too seriously” [8. – С. 223].

Отрабатывая со студентами факультета мировой политики МГУ явление *understatement*, столь необходимое для будущих дипломатов, я предложила студентам привести в качестве домашнего задания примеры *understatement*. Вот некоторые из них:

- Your wife is with a baby and she is asking you how she looks. Telling her that she gained a little bit but still looks perfect would be an *understatement*.
- You are trying to pass an exam, but find no success. Your friend asks you how you feel. Your answer is: *I am a little bit disappointed*.
- To say that “Harry Potter” is popular is an *understatement*.
- To say that Roman Abramovich is rich is an *understatement* – he owns more than anyone in Russia.

Один из студентов привел в качестве примера следующий рассказ:

A Story about an English Teacher, a Pupil and His Mother:

Teacher: I don't suppose there is anyone devoid of all drawbacks (= *I understand that everyone has drawbacks*). But I can't approve of your son's attitude to studies (= *But I'm indignant at your son's attitude to studies*). He wasn't always very good at English, that's true (= *He has never been very good at English, that's true*). Learning a foreign language is by no means an easy task, you know (= *Learning a foreign language is a difficult task, you know*). Last week he failed to attend a single class (= *Last week he was absent at almost all classes*). So he couldn't pass any test (= *He didn't pass any test*). And he lacked the courage to come and speak to me before the exam (*And he didn't have the courage to come and speak to me before the exam*). And his written paper is not without grave mistakes (*And his written paper has many grave mistakes*). It is not impossible that the principal won't be against denying him permission to continue his studies (*It is possible that the principal wants to expel him*).

Mother: My son hardly ever mentioned any problems to me (*My son has never mentioned any problems to me*).

Помимо того что *understatement* употребляется как целое языковое явление, оно употребляется и как отдельная лексическая единица, часто абсолютно непереводаемая на другие языки. Сравните следующие примеры:

- You call him rich? That's the *understatement* of the year; he owns more than any man in Britain.
- To say that her resignation was a shock would be an *understatement* – it caused panic.
- That New York City is not a peaceful place to live in is the *understatement* of the year (month, century).
- He is very elegant, in an *understatement* (not too obvious) way.
- They *understated* the seriousness of the crime.
- An *understated* evening dress (not showy).

Интересен пример из интервью, взятого известным телеведущим Ларри Кингом у Мадонны. При обсуж-

дении съемок популярного мюзикла "Evita", в котором Мадонна сыграла роль Эвиты Перрон, между ними произошел диалог:

King: Was "Evita" difficult?
Madonna: Oh, yes. That's an *understatement*.

Итак, заключая анализ лингвоспецифичного концепта *Understatement*, хотелось бы привести слова цитировавшегося выше Джорджа Микиша, который сказал, что *understatement* – это стиль жизни (way of life) [10.– С. 235]. И, на наш взгляд, не будет преувеличением сказать, что это нечто большее, чем просто ключевое слово английского языка – это целый менталитет народа. Как не представитель англоязычного социума мы позволим себе такое *overstatement*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание.– М.: Русские словари, 1996.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов.– М.: Языки славянской культуры, 2001.
3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры.– М.: Прогресс, 1985.
4. Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе: от столкновения к взаимопониманию.– М.: Дело, 1999.
5. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация.– М.: Слово, 2000.
6. Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // В. А. Звегинцев История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2.– М., 1960.– С. 198–224.
7. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира.– М.: Языки славянской культуры, 2002.
8. Fox K. Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour.– Hodder, 2004.
9. Mikes G. How to Be an Alien.– Penguin Books, 1969.
10. Mikes G. How to Be Decadent // How to Be a Brit.– Clays Ltd, 1984.– Pp. 185–264.
11. Ter-Minasova S. G. British Cultural Studies at the Faculty of Foreign Languages in Moscow State University // Modern English Teaching.–1994.– Vol. 3.– No 4.– Pp. 61–64.
12. Wierzbicka A. The Case for Surface Case.– Ann Arbor, 1980.
13. Wierzbicka A. Different Cultures. Different Languages. Different Speech Acts // Journal of Pragmatics.– 1985.– Vol. 9.– No 2–3.– Pp. 145–178.
14. Wierzbicka A. Soul and Mind: Linguistic Evidence for Ethnopsychology and Cultural History // American Anthropologist.– 1989.– Vol. 91.– No 1.– Pp. 41–57.
15. Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction.– New York, 1991.